

Неклесса Александр Иванович

**Председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации,
член бюро Научного совета «История мировой культуры»
при Президиуме Российской Академии наук
Профессор кафедры геоэкономики Академии геополитических проблем**

НОВОЕ ВРЕМЯ И АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Господа, меня попросили изложить точку зрения на две эпохи, являющиеся предметом сегодняшнего обсуждения — эпоху Нового времени (*Modernity*) и происходящий ныне транзит в постсовременность (*Post-Modernity*). В программе конференции в заглавии моего выступления использовано выражение «*актуальная точка бифуркации*», но я бы обозначил тему рассуждения несколько иначе: «*Новое время и актуальная историческая ситуация*», поскольку смысл предлагаемого вашему вниманию дискурса — именно в сравнении исторических ситуаций, опознании в них общего и специфичного.

**наука — это исследование
Божьего творения для
познания истины через
определение мысли (замысла)
Творца**

Но прежде мне хотелось бы остановиться на вопросе объективности знания в области истории, т.е. в сфере практики, движения человеческого сообщества, поскольку в данном вопросе присутствует некая неопределенность. Дело в том, что наука в европейском понимании — это то, что имеет предмет изучения в виде творения Божьего.

Другими словами, наука — это исследование Божьего творения для познания истины через определение мысли (замысла) Творца. Именно так понятие науки было сформулировано в принципиальном споре, развернувшемся после проникновения аристотелизма в европейскую культуру.

Аристотелизм постулировал истину, основываясь на логической непротиворечивости рассуждения как источнике достоверности. Но христианская культура была с этим не согласна. Ибо следуя данному принципу, под истиной мы будем понимать истину ума человеческого. Божественная же истина, т.е. «истинная истина», истина как таковая, истина *per se*, может серьезно отличаться от человеческой логики и разумения. В качестве основы подобной богословской (мировоззренческой) позиции обычно приводится Книга Иова, где данное различие представлено ярко и трагически.

В ходе двух соборов, состоявшихся в Парижском университете в конце XIII века, был заложен фундамент европейского понимания научного знания как основанного не на умозрительных рассуждениях, а на исследовании сотворенного Богом мира. Давая тем самым возможность — пусть опосредованно —

прикоснуться к истине, познавать состояние вещей, устройство природы (естества), отстранив затуманивающие истину конъюнктурные состояния человеческого сознания. И порой даже входя в противоречие с тем, что представляется уму априорным, несомненным. Проще говоря, в основу познания было положено испытание природы, т.е. эксперимент.

Таким образом, наукой в европейском (христианском) понимании являются науки естественные, ибо только они имеют в качестве предмета исследования то, что сотворено Богом. Знание же в сфере практики и человеческой рефлексии, т.е. то, что в сегодняшнем обиходе называется социальными и гуманитарными науками, является особым образом организованным рассуждением, т.е. *дисциплинами*, имея в своей основе творение человеков.

Предмет исследования в данном случае подвижен, и он находится в прямой связи с самим исследователем, системой аккумуляции знания как институтом. Кроме того, человеческие рассуждения связаны с системами ценностей, которыми руководствуется как индивид, так и общество. И если в случае с науками естественными ценности «вшиты» в организацию института науки, определяя базовые принципы, но будучи отчуждены от «оперативного управления» знанием как таковым, то в социогуманитарных дисциплинах дело обстоит иным образом.

Даже аксиомы дисциплинарного знания не вполне устойчивы — это не константы естественнонаучного знания — они фактически носят преходящий характер.

Человеческое знание об истории трагично. Оно обретается опытным путем и фокусируется Откровением. В результате подобного подхода мы постигаем историю как творящуюся истину, при исследовании которой у нас, в отличие от естественных наук, нет созданного Творцом предмета. В этом деле у нас нет и обретенных в ходе исследования констант. Они имеются в Откровении, но мы не знаем насколько правильно они прочитываются в тот или иной период истории, в ту или другую эпоху. Мы исследуем пройденные человечеством дороги, преодолевая собственные заблуждения.

Кроме того, уже в самой подобной постановке вопроса, как вы хорошо понимаете, заложен мировоззренческий конфликт. Труды по истории пишутся на «разных языках».

Мир людей, человеческая вселенная, существенно отличается от вселенной природной. В каждой — свое понимание времени, свои категории будущего. К примеру, часы измеряют физическое время. Что же касается социального времени, истории, то мы меряем ее такими градиентами, как изменения, события, эпохи, определяемые и разделяемые революциями. Если же продви-

**мы постигаем историю как
творящуюся истину, при
исследовании которой у нас,
в отличие от естественных
наук, нет созданного
Творцом предмета.**

жения нет, то людьми овладевает сон, социальное время застывает, и в мире воцаряется вселенский «день сурка»; наступает то, что сейчас в российской культуре называется застоем. Физическое же время продолжает отсчитывать часы и годы.

Человек, когда рассуждает — как в данном случае поступаю я, — то проявляет определенное мировоззрение, внутреннюю позицию, по-своему интерпретируя знания. Та или иная дисциплина, ее категории также являются культурной интерпретацией определенного миропонимания и логики миростроительства. Книга истории представляет собою текст, который делится на «главы» (эпохи). Последние прочитанные человечеством главы этой книги: Средневековье, Новое время (*Modernity*) и то состояние общества, специфические черты которого — «лица необщее выражение» — становятся все более опознаваемыми.

В истории присутствует своя экономия и икономия, т.е. домостроительство истории и снисхождение к людской немощи, проявляющееся в реализации идеалов.

Эти «главы-эпохи» имеют нечеткие очертания, неявные границы, поскольку каждый интерпретатор определяет их по-своему. В истории присутствует своя экономия и икономия, т.е. домостроительство истории и снисхождение к людской немощи, проявляющееся в реализации идеалов. Выстраивая историю с трагическими срывами, мы также с огрехами ее интерпретируем. Поэтому границы эпох размыты, однако мы все же обладаем способностью их фокусировать.

Начало Нового времени фактически совпадает с появлением протестантской культуры, причем в широком смысле: тут присутствуют не только Лютер и Кальвин, но также Уиклиф и Гус, Аугсбургское согласие и Вестфальский мир. В прологе нынешней главы мы ощущаем дух обновления и культурного переворота, начало обновленного исторического текста. Сопоставляя главы: одну прочитанную, другую — начинающуюся, мы что-то можем сказать о роли человека в мире, об открывшихся ему горизонтах, о вызовах, с которыми он столкнется, вписываясь в изменения сюжета, соотносясь в диахронном путешествии с возникшим иным.

Начало Нового времени фактически совпадает с появлением протестантской культуры, причем в широком смысле: тут присутствуют не только Лютер и Кальвин, но также Уиклиф и Гус, Аугсбургское согласие и Вестфальский мир. В прологе нынешней главы мы ощущаем дух обновления и культурного переворота, начало обновленного исторического текста. Сопоставляя главы: одну прочитанную, другую — начинающуюся, мы что-то можем сказать о роли человека в мире, об открывшихся ему горизонтах, о вызовах, с которыми он столкнется, вписываясь в изменения сюжета, соотносясь в диахронном путешествии с возникшим иным.

При этом историю не следует понимать в пассивном залоге, ее неверно представлять как *читаемую* книгу. Более серьезная интерпретация: «творимая история», ибо человеческий космос, в отличие от физического, каждодневно создается людьми. Будущее в определенном смысле вообще не существует, оно появляется там и тогда, когда мы его *совершаем*. И здесь, конечно, широкий диапазон для манифестации людских сил и воли. В том числе — катастрофический.

Попробуем бегло перечитать текст предыдущей главы и сравнить его с тем, что мы наблюдаем сегодня.

Предыдущая глава началась как история становления городской культуры. Ее центральным персонажем являлся горожанин, бюргер, буржуа, гражданин — это все *одно и то же слово*. Одна и та же персона. Новая позиция человеческой личности предопределила устройство и развитие правового, политического, экономического пространства, обустройство прочих видов социальной и культурной практики. Что же именно опровергалось городом? Отвергалась, прежде всего, сословность, т.е. феодальная организация социума.

Новый город возник в рамках христианской культуры. Его генезис связан с интерпретацией человека как личности, что продуцировало и развивало идеи персонализма, суверенитета индивида, фундаментального равенства людей. Совершеннолетия сознания и подавления двоеверия. Понятия коммунальности (где соучастие присутствует как *причастность*), магдебургского права, содержание гражданских кодификаций и экономических практик — скажем, расширенное воспроизводство — все они имеют основания в авраамической, библейской, христианской культуре. В последней особенно, ибо человек здесь не только образ и подобие Творца, но сама субстанция человеческая оказывается с Ним в сложной синергии.

Новый город возник в рамках христианской культуры. Его генезис связан с интерпретацией человека как личности, что продуцировало и развивало идеи персонализма, суверенитета индивида, фундаментального равенства людей.

В городской жизни — коммунальной практике — уже присутствует генетика практически всех институтов современности: парламента (городского самоуправления) как института представительной демократии, расширенного воспроизводства как источника индустриализма и т.д. Клятвенные союзы через иерархические цеха и корпорации транслируют сословное общество в городские прописи, вписывая его в трансформируемый социальный текст. Городская жизнь формирует оригинальную социальную среду — сообщество горожан-граждан, чей формат быта и бытия опровергает сословность; развивается экономика интенсивного производства; наконец, сообщество городских практик утверждает собственный формат социально-политического обустройства мира: национальное государство.

Коды новой практики распространялись от городов-государств Италии через Ломбардию и Швейцарию в Западную Европу, на побережье Нидерландов, в Англию. И далее на новый континент, имея в виду созидание «*гражданского политического сообщества для установления более совершенного порядка*».

Все эти процессы, равно как и иные, которые в рамках регламента не просто даже упомянуть, предопределяли трансформацию профессиональной практики (наравне с другими институтами). Происходило это либо в процессе серьезного поступательного обновления, либо реформации как разделения. Как именно она изменится — это был вопрос экономии и икономии церковного строительства.

В историческом тексте, таком, как он прописан в состоявшейся истории, мы видим, что произошло это в виде схизмы: разрыва институциональной ткани, разделения мира католического и мира протестантского.

Могло случиться и по-другому.

Исследование культурной динамики при помощи герменевтического подхода позволяет опознать пути христианского дискурса, имплицитно присутствующие в социальных процессах и в историческом тексте в целом

Историческая дилемма, пропорции эволюционного и революционного в истории Реформации проявилась уже здесь. Исследование культурной динамики при помощи герменевтического подхода позволяет опознать пути христианского дискурса, имплицитно присутствующие в социальных процессах и в историческом тексте в целом.

Историческое знание сопрягается с трагическим началом путешествия человеческого — грехопадением. Социальные структуры, созданные

людьми, содержат парадоксальный код, и даже более того: лекала, по которым создан сам человек, в физиологической проекции предопределяют двуполушарное, т.е. «парадоксальное» строение мозга. Конечно, рассуждать так — большое упрощение, однако это позволяет увидеть некоторые особенности процесса постижения истины.

Поисковая активность мозга обычно ассоциируется с левым полушарием (хотя, конечно, процесс протекает сложнее), а роль правого связывается с гештальтом: усилием удержать целостность. Предыдущие выступающие, рассуждая о бурном XVI веке, отмечали, что, наряду со стремительным социальным рывком, в нем присутствовала угроза дезинтеграции социума. Здесь возникает понятие удержания истории в некатастрофических рамках, понимание земной власти не как инструмента «*строительства на земле рая, но недопущения на ней ада*».

История как процесс восстановления человека, его вразумления и обретения утраченного достоинства — основывается на историческом времени, мерой которого является перманентное обновление. Процесс этот является нелинейным и... революционным. Но здесь возникает проблема трактовки термина «*революция*». Она заключена в этимологии и генезисе данной категории: «*революция*» — это круговое движение в смысле «*поворота кругом*», т.е. смена цикла, прежнего формата правления и возвращение к основам. Фундаментальное и потому радикальное обновление.

Данный процесс сопрягается с отмеченным выше стремлением удержать ситуацию от катастрофы. Поэтому, переходя в иное состояние, мы, тем не менее, удерживаем интегральность — в данном случае человеческого общества. Или спасаем собственную личность от распада и попадания в ситуацию безумия, аномии. А субъектное начало — от деградации и обращение в функцию и объект.

Утрачивая целостность, человек становится усеченным организмом, перенося свое достоинство и первородство на ту или иную социальную — т.е. им же созданную — структуру. Этой болезнью человечество переболело в острой форме в XX веке — возможно, из-за отравления миазмами механицизма, исходящими от практики индустриализма, агрессивно отчуждавшего профессиональную функцию от личности, уплотняя ее и воспроизводя, в сущности, сословное, языческое понимание мироустройства.

Кризис культуры *Modernity*, культуры Нового времени, утвержденной голландской революцией бюргерства, двумя английскими революциями XVII века, а затем американской и Великой французской революцией в XVIII веке, начинается уже в XIX веке. Веке, когда данная культура переживает свой апофеоз, поступательный задор, отраженный в умножавшихся представлениях о человеческом могуществе, совершенстве естественной природы и универсальности прогресса. Тогда же индустриальная, промышленная революция создает культуру, тысячекратно усиливавшую мощь человека, одновременно отчуждая его от самого себя, превращая в «*винтик*» индустриального и социального, политического механизма.

индустриальная, промышленная революция создает культуру, тысячекратно усиливавшую мощь человека, одновременно отчуждая его от самого себя, превращая в «винтик» индустриального и социального, политического механизма.

В контексте форсированной элитарной культуры человек становится прилагательным по отношению к механике государства, а его таланты — ресурсом в руках «*инженеров человеческих душ*», что, умножая отчуждение и дегуманизацию, предопределило феноменологию, приведшую к «*теологии после Освенцима*».

Учитывая рамки регламента, оставшееся время я постараюсь использовать для краткого рассуждения о том, что же происходит в человеческом космосе сейчас, в чем именно видятся характерные черты актуальной исторической ситуации. И в чем заключается перелом. Начну же с уже сказанного. Смысл христианской истории — восстановление человека, данная позиция базируется на удивительном статусе человека как образа и подобия Божия, что присутствует еще в иудейской культуре, но культура христианская усложняет и усиливает драматизм ситуации, давая шанс падшему существу стать по энергиям тем, чем Бог является по Своему существу. Это поразительная амбиция предопределила колоссальный культурный рывок. Преодолев многие конъюнктурные обременения, человек получил в руки могущественные инструменты, обрел ощущение свободы и возможность реализации масштабных замыслов, но одновременно — оперативный простор для испытания своих человеческих качеств, на протяжении веков подвергавшихся трансмутации в контексте новой культуры.

С падением роли государственных границ и глобальной транспарентностью статус гражданина как центрального персонажа эпохи сменяется статусом свободного космополита, обретшего возможность проявить свое подлинное состояние духа. Как написано на надгробье Мераба Мамардашвили: «Истина выше родины», фраза, которая имеет для христиан даже более глубокий смысл. И которая, в сущности, есть реплика сентенции, если не ошибаюсь, Иустина Мученика: «*Нам всякое отечество чужбина и всякая чужбина — отечество*». Это в позитивном залоге, но есть у проблемы также иные измерения...

Вселенский, т.е. универсальный характер христианства утвердил на планете образ Глобального Града, одновременно обозначив рубеж очередного испытания человека.

Вселенский, т.е. универсальный характер христианства утвердил на планете образ Глобального Града, одновременно обозначив рубеж очередного испытания человека. На планете формируется новая антропологическая, правовая, политическая, экономическая, социальная ситуация. Меняется роль человека, в том числе как создателя нематериальных акти-

вов. Это также позиция человека как творца не только истории, но корпуса нематериального производства: интенсивного, перманентного преобразования таких форм деятельности, как образование, наука, технологии, иные продукты человеческого ума и талантов.

В правовом пространстве исключительная роль государственного суверенитета дополняется и размывается суверенитетом меньшинств, а в логическом пределе — суверенитетом личности. В экономике растет роль новых форм практики, экзотичных форм капитала, освоения будущих и виртуальных богатств, параллельных (вероятностных) зон (рисков). В политической сфере очерчивается феномен «антропо-социальных структур» — подвижных и влиятельных субъектов мировых связей.

Действительно, политическая геометрия последних столетий, основанная на феномене национального государства, на исключительности его статуса как субъекта международных отношений (ср. с упомянутой выше исключительностью государственного суверенитета) существенно модифицируется. Взаимоотношения в глобальном мире между влиятельными игроками представляют скорее *intra-global*, нежели *inter-national relations*. Мутация привычного формата национального государства прописывает новые формулы властной социальной организации, такие как «глобальная держава», «мировые регулирующие органы», «страны-системы», «государства-корпорации», «геоэкономические ареалы», «субсидиарные субъекты», «несостоявшиеся государства», «непризнанные суверены». Все большую роль приобретают разного рода сообщества, корпорации, причем в последнем случае не только и, возможно, не столько знакомые экономические организации, но влиятельные социальные организмы, напоминающие скорее прежний, «городской» и «антропологический» формат этого предприятия.

Так что неслучайно для обсуждения темы было предложено понятие «бифуркация»: мы пребываем в ситуации комплексного транзита. Сегодня переосмысливается само понятие реальности, существенно изменяются представления о физическом строении мира, о социальном мироустройстве, о психике. Возникло все более притягивающее человека пространство виртуальной реальности с потенциальной возможностью обретения собственной, отторгнутой от человека субъектности.

Последнее, что хотелось бы сказать в связи с тем, что регламент выступления приближается к концу. Мы мыслим историю как череду эпох-стоянок, в заглавии выступления это прямо заявлено. Существуют «главы» истории, между которыми обретаются транзитные состояния, времена перехода. Так привычно мыслилось, но нынешняя ситуация, кажется, сложнее. Возможно, мы переживаем не транзитный период между двумя стационарными состояниями, но вступаем в новый ритм исторического существования: переход человеческого *сообщества* к подвижной, перманентно динамичной форме человеческого *существования*, где переосмысливается не только понятие реальности, но и понятие субъекта, создающего эту реальность. То есть человека.

Человек начинает прозревать, что является активным субъектом происходящих изменений, своего рода «неклассическим оператором». Данное понятие, возникнув еще в начале XX века, при становлении квантовой механики, являлось достижением естественных наук. Сейчас этот принцип начинает прозреваться в природе социального космоса. И осмысляться, что влечет многочисленные следствия. Вот здесь-то и вспоминаются споры, звучавшие на соборах Парижского университета в конце XIII века, когда речь шла о том, что реальность совсем не обязательно должна соответствовать человеческой логике, определяемой, если вдуматься, языком эпохи.

Присутствуя в истории, человек творит историю, которая изменяется в соответствии с его мировоззренческой и культурной позицией. Люди обретают новое качество, или, быть может, осознают, восстанавливают некие утраченные качества, выступая соработниками истории, будучи способны производить колоссальные достижения и впадать в умопомрачительные соблазны.

Сталкиваясь со сложным и сверхсложным, подвижным и многоаспектным миром, эксплуатируя актуальную бесконечность возможностей, человечество пребывает в ситуации экзистенциального выбора. Перед ним открывается несколько путей: поддаться охранительному инстинкту, предпринять попытку адаптации к сложности земного бытия либо следовать могучему инстинкту трансценденции земных обстоятельств? Это — испытание человеческих качеств и еще — возможность использовать ситуацию в качестве ресурса для восста-

Человек начинает прозревать, что является активным субъектом происходящих изменений, своего рода «неклассическим оператором».

новления достоинства, только вот какое содержание будет вложено в данную тезу? Столь искусительная позиция, конечно же, может быть прочитана как приглашение к непростым энергиям, скованным на протяжении долгих времен.

И как в середине XVI века звучала грозная тема надвигавшегося на Европу кровавого хаоса — но произошло удержание истории — так и сейчас слышны трагические ноты, но уже во вселенском концерте народов. Теперь удержание истории связано с глобальной ситуацией. Мир не является христианским, евангелизация остановилась, миссия была прервана, колонизация — принимая в расчет все ее издержки — не завершена. Аналогией может послужить бунт крестьянского двоеверия того времени, эти же стихии сегодня обживают открывшийся человечеству простор. Проявляются они в феноменологии глобального андеграунда и плевелах «когнитивного бунта», в торжестве хрематистики и трофейной экономике, системном терроризме и деструктивных культурах.

Разворачивающаяся на планете схватка — это родовые муки нового мира, мы переворачиваем ветхую страницу и на открывшемся белом листе прописываем новую главу истории.

Разворачивающаяся на планете схватка — это родовые муки нового мира, мы переворачиваем ветхую страницу и на открывшемся белом листе прописываем новую главу истории.

Регламент моего выступления исчерпан, благодарю за внимание.

Модератор: Спасибо. Теперь время для реплик и вопросов. Пожалуйста.

Вопрос: Вы уже отметили, что в код категории «революция» заложен, я бы сказал так, возврат к исходной точке для развития в соответствии с первичным замыслом. Можно ли в этом смысле сказать, что христианство — это революция, а не реформация?

Докладчик: Да, конечно, потому что следствие прихода Христа — восстановление человека. То есть человек после грехопадения своими силами не мог восстановить утраченный статус, обрести прежнюю природу и достоинство. С пришествием Христа реализуется революционная ситуация, когда то, что невозможно человеку, оказывается возможным Богу, в синергии и не противореча свободе человека. Сложное, парадоксальное, трагическое разрешение произошедшей некогда антропологической катастрофы. Трагическое, потому что Богочеловек оказывается на кресте.

Вопрос: Тогда в какую нишу мы могли бы поместить понятие «реформация»?

Докладчик: В икономию, в снисхождение к истории, потому что анализируя историческую Реформацию мы должны сопрягать восстановление и раскол, эволюцию и радикальность... Вспоминается в этой связи знаменитая сцена времен Великой французской революции, когда Людовик XVI восклицает: «Это мятеж!», а герцог де Лианкур ему отвечает: «Нет, сир, это не мятеж, а рево-

люция». Распространена неверная трактовка диалога, потому что в его основе — противопоставление ситуации бунта и «прорыва истории». На мой взгляд, реформация противостоит не революции, реформация вполне может знаменовать собой революцию, социальную и мировоззренческую, институциональную и культурную. Противостоят же ей оппортунизм стагнации или рожденный фрустрацией бунт. Должно сочетать революционную амбицию с удержанием целостности, не опуская рук и не скатываясь при этом в бунт либо иную деструкцию.

И. Ковалевский: Спасибо, хочу лишь добавить, что кроме нового понимания реальности субъекта есть новое понимание законов природы. Это как раз то, что для религиозных деятелей весьма актуально. Поскольку в современной науке господствует конвенциональность, т.е. по сути то, о чем договариваются ученые, в отличие от библейской либо святоотеческой трансцендентной концепции, или даже позиции эпохи Просвещения, т.е. имманентной концепции законов природы. Религиозные деятели, так или иначе, но все же связывают концепцию законов природы с трансцендентностью. В частности, в Католической Церкви сейчас ведутся дискуссии по поводу концепции естественного закона.

Что значит естественный закон? То данное, что уже заложено в природе вещи, так, по крайней мере, это понималось и философами, и схоластами, и богословами. Примерно так. И вот сейчас получается, что эти позиции под влиянием, прежде всего, естественнонаучных представлений входят иной раз в определенную конфронтацию. Почему для нас это актуально? Потому что это проявляется в культуре. В Западной Европе уже считаются конвенциональными такие понятия, как пол, то есть то, что, к примеру, для нас, для христиан представляется совершенно неприемлемым.

Докладчик: Вы правы, но это, опять-таки, скорее социальная проблема, нежели естественнонаучная. Я приведу пример, пожалуй, даже более радикальный: изменение правовой конвенции в отношении такой категории, как «смерть». Раньше это состояние человека связывалось с остановкой сердца, сейчас — с прекращением активности мозга. Это, надо сказать, весьма различные позиции.

Содержание же европейской научной революции было в отделении науки в современном понимании от прежнего, т.е. античного («предшествующего») формата упаковки знания. Христианство в этой метаморфозе, помимо твердого следования мировоззренческим принципам, проявило удивительную реалистичность. Родовые муки современной науки, о которых я говорил, демонстрируют это специфическое качество, вытекающее, повторюсь, из

Содержание же европейской научной революции было в отделении науки в современном понимании от прежнего, т.е. античного («предшествующего») формата упаковки знания.

истоки европейской науки лежат — причем в эксплицитной форме — в XIII веке, в знаменитом споре по поводу познания истины.

базовых мировоззренческих установок. Так что рождена наша наука все-таки не Галилеем или Ньютоном — по крайней мере, не в том смысле, как это обычно понимается, поскольку, конечно же, и Галилей, и Ньютон к этому процессу причастны. Но вот истоки европейской науки лежат — причем в эксплицитной

форме — в XIII веке, в знаменитом споре по поводу познания истины. Ведь именно тогда был заложен краеугольный камень: утвержден статус испытания природы, т.е. эксперимента, как критерия верности либо ложности умозрительного построения.

Смысл многодневного диспута был в том, чтобы определить: человек ли *логикой* своей решает, что верно, а что нет — это, конечно, важный этап, но на нем появляются только предположения о состоянии вещей, т.е. гипотезы. Но лишь *опыт* определяет, какие из них соответствуют истине, а какие нет. Этот путь ведет к перманентному усложнению знания и одновременно — к резкому повышению его эффективности; что, конечно, само по себе оказывается серьезным соблазном и развилкой как для социальной, так и эпистемологической позиции науки.

Соответственно, конвенциональность — порой даже в «конституционном» формате аксиоматики — все же скорее свойство социальных и гуманитарных дисциплин. Поскольку их предмет — человеческая практика, т.е. возникают мотивации для воплощения той или иной формы пристрастности. Впрочем, Вы, кажется, все-таки в основном и имели в виду именно социальные процессы, применяемые, в том числе, к научному знанию, но являющиеся объектом гуманитарного дискурса (социальные дисциплины, строго говоря, его часть). Именно в них присутствует не только конвенциональность, но нередко и политичность, и вообще в самых разных формах проявляется *Zeitgeist*. А то и проще — более-менее конъюнктурная политкорректность.

И. Ковалевский: Не только. Даже в естественных науках, вот что важно.

Докладчик: В естественных науках, особенно в сфере исследований, а не трансляции (и тем более различных аппликаций), позиция основана все же не на конвенции, а на константах. Потому что любая конвенция будет, в конце концов, разорвана, если этой конвенции будет противоречить эксперимент. В этом и революционность, и реалистичность, и сила естественных наук. Излагается внутренне непротиворечивая модель, которая, устраивает всех и даже соответствует предыдущей формуле знания. Но проходит эксперимент (экспериментальная проверка), и последний показывает, что дела обстоят каким-то иным образом. Все. Конвенция разрушена.

Однако с социогуманитарными дисциплинами дело обстоит, конечно, иначе. Потому что они и научные **дисциплины**, т.е. строгие рассуждения, производимые по определенным канонам. «Социальные науки» — это нечто вроде

«почетного доктора», это такая вежливая формула. Даже что касается таких областей знания, мимикрирующих под науки, как экономика или математика (специфический язык), то и они науками в европейском понимании не являются. Для математики и ее производных в этой связи даже придумали особую категорию: «точные науки».

Реплика: Математика — это наука, она расширяет знание. Я — профессиональный математик.

Докладчик: Приведу в качестве примера и ответа один кейс: спор математиков от Кронекера и Пуанкаре до недавно скончавшегося Владимира Арнольда. Спор по поводу математических теорий и теорем Кантора, касающихся множеств, бесконечностей и трансфинитных чисел. Суть дела в том, что часть математиков считает операции с бесконечностями «математикой», а часть математиков так не считает. Соответственно, существуют две различные интерпретации, два различных конвента по поводу легитимности тех или иных отраслей математики.

Гуманитарная вселенная сложна, в ней нет констант, нет созданного Творцом объекта. Поэтому, исследуя человеческие деяния — «практику», или производные его сознания, такие как языки, или математику, мы заключаем конвенции, вплоть до аксиом, но даже последние со временем могут быть подвергнуты ревизии. В естественнонаучном знании познанное не отрицается, а как бы «надстраивается», иначе говоря, Эйнштейн не списывает на свалку истории Ньютона, у них просто различная глубина обретенного знания и различные области его применения.

Реплика: У меня имеется комментарий к спору. Дело в том, что я имею право представлять физику, просто потому, что сейчас в значительной степени работаю на атомщиков, и должен, к большому сожалению, вспомнить старое одесское присловье: «*Чтоб нам так жилось, как вы о нас думаете*». Я имею в виду, что наука действительно считает — физическая наука, я сейчас говорю только о ней — что для нее эксперимент является важнейшим критерием истины. Наверное, когда-то так и было. Сейчас это не так. На сегодняшний день в физической науке существует набор догматов. Они вполне известны, и ни один эксперимент, который этим догматам противоречит, не будет принят научным сообществом. И вот если схематизировать, то получится следующее: метод, а, как известно, наука — это объект-субъект-метод, метод физики сейчас делится на физический и математический. Физический метод настаивает на эксперименте, математический метод настаивает на догмате, между ними жесточайшее противоречие, которое не разрешается более семидесяти лет. Оно назрело до взрыва. Мы будем свидетелями этого взрыва.

Докладчик: Я уже высказался по поводу научно-номенклатурного статуса математики. Но надо сказать, что схожие процессы возникают и в социальных дисциплинах, там имеется нечто аналогичное, а именно: а) «идеальный тип» и б) сопутствующие модели эмпирические исследования. Но это уже несколько иная сторона вопроса: комплексный характер исследований, междисциплинар-

ная континуальность знания. Когда же речь идет о дефинициях знания, о его типологии, то надо помнить о многообразии знания и форм его упаковки. Мы заговорили сегодня об одном разделении: естественных наук от социогуманитарных дисциплин. А, скажем, в Древней Греции было не менее шести типологических разделений знания: теоретическое, практическое, техническое (искусство, мастерство, технологии), мистическое, фронесис (житейская мудрость). И такое своеобразное, как эстетика.

И. Ковалевский: Просто возникает новый менталитет, и он-то как раз влияет на религиозную культуру, на религиозный менталитет, по крайней мере, в Западной Европе. В чем причина этого — того, что мы называем плюрализмом?

Докладчик: Вообще-то это серьезная проблема. Новый строй пробуждается к жизни именно изменениями ментальности, которая иначе воспринимает и начинает по-иному трактовать реальность, порою также существенно меняя принципы и методы ее познания и пересматривая способы действовать в меняющейся среде.

Можно в этой связи указать на один из источников путаницы: смешение разных социокультурных процессов, формирующих конъюнктурное мировосприятие: позднего индустриализма и постсовременности (которой, кстати, в числе других характерных черт свойственна тенденция к постсекулярности). Постсекулярность есть отчасти реакция на механистичный характер секулярных институтов, подпадающих под сомнение в эпоху, скажем так, признания легитимности фигуры «неклассического оператора».

Плюрализм же есть следствие не только культурной растерянности, но следствие косвенного признания чрезвычайной сложности открывающейся человеку вселенной

Социальная конвенция, существующая на сегодняшний день, не слишком удовлетворяет нас, в частности, из-за нарастающего расхождения между глубинными истоками нашей культуры и ее актуальным состоянием

Плюрализм же есть следствие не только культурной растерянности, но следствие косвенного признания чрезвычайной сложности открывающейся человеку вселенной, которую с какого-то рубежа он вообще воспринимает как динамический хаос, порождающий, однако же, ту или иную структурность. Речь при этом идет не о замене рациональности иррационализмом, но о генезисе новой рациональности, позволяющей соединять возникающую картину мира с отстающим от новых представлений сознанием. Тут можно было бы многое сказать...

Социальная конвенция, существующая на сегодняшний день, не слишком удовлетворяет нас, в частности, из-за нарастающего расхождения между глубинными истоками нашей культуры и ее актуальным состоянием. Но это как раз

предреволюционная ситуация, которая отражается на всех институтах прежнего строя, включая профессиональные. Сложный человек в сложном мире по своему обустроит среду обитания, одновременно и адаптируясь к новой формуле бытия, и по-своему преодолевая ее.

Думаю, тут есть повод задуматься и над фигурой Лютера, и над воследовавшей через некоторое время Контрреформацией. Но также и о таком фундаментальном разделении, как богословие катафатическое и апофатическое. Разделение, которое в условиях нынешнего цивилизационного кризиса и транзита открывает совершенно новые возможности не только для теологии, но для иного формата знания, а также для церковного обновления и социального обустройства в новой эпохе.